

Цзяоин изначально была женой одного из слуг в поместье. Однажды У Лю случайно застал её, когда она несла еду кучеру. Кучер тот был низкорослым, уродливым и по жизни робким да безответным, вот У Лю и позарился на неё: где уговорами, где силой затащил в постель. С тех пор Цзяоин стала часто с ним видаться. Позже, в один из дней, она прибежала к нему в слезах и сказала, что кучер всё прознал и грозит её убить. У Лю в ту пору ещё горел страстью, а потому нанял людей и избавился от кучера, рассчитывая, когда переполох уляжется, забрать её в поместье наложницей.

Вот только он и понятия не имел, когда эта блудница успела спутаться с его собственным племянником. Не успел У Лю забрать её к себе, как У Цзюньшу опередил его и спрятал женщину в обители. У Лю потратил немало сил, чтобы разыскать её.

В обители они сходились словно сухая солома с огнём. У Лю, войдя во вкус, уже не спешил забирать её в поместье, лишь регулярно навещался провести ночку. И кто бы мог подумать, что лоно Цзяоин окажется столь плодовитым — она понесла! У Лю прикинул дни: аккурат в те сутки, когда он её разыскал. Сомнений нет — его семья!

Размечтавшись о сыне, он насупился ещё пуще. Потянув Цзяоин к себе, он толкнул её слугам и велел:

— Заберите её! Да осторожней, не навредите брюху!

— Шестой дядя! — У Цзюньшу окинул взглядом сбежавшихся деревенских, жадно ловивших каждое слово, и понизил голос: — Ты что, решил устроить скандал прямо здесь? Если отец узнает...

При упоминании маркиза Чжунъюна У Лю инстинктивно вжал голову в плечи, но вспомнил, что Цзяоин, вполне возможно, носит его сына, и тут же расправил спину.

— Говори что хочешь, а баба будет моей! Если уж так приспичило, родит — тогда и забирай! — недовольно выплюнул он.

— Ты!.. — У Цзюньшу онемел от дерзости. Шестой дядя всегда был беспутником и самодуром, и лишь строгий отец сдерживал его бесчинства. Стиснув зубы, У Цзюньшу процедил: — Какая наложница из неё после того, как она родит тебе ребёнка?!

У Лю насмешливо фыркнул:

— Ого, да ты у нас, оказывается, пылкий влюблённый? На такую шлюху позарился — совсем не брезгуешь!

От таких слов У Цзюньшу вспыхнул от ушей до шеи. Но встретившись с жалобным, полным слёз взглядом Цзяоин, он подавил в груди укол обиды. Сделав пару шагов вперёд, он попытался вырвать женщину:

— Заберём её ко мне, а там разберёмся, как быть!

— Ещё чего!

У Лю был не глуп и тут же вцепился в Цзяоин. В этой толкотне и перепалке кто-то неожиданно ослабил хватку. Зажатая между ними Цзяоин потеряла равновесие и повалилась в сторону. Её слегка округлившийся живот наткнулся прямо на острый камень.

— Живот мой! Живо-о-от!.. — закричала она, согнувшись от дикой боли и сжав живот руками.

У Лю кинулся поднять её, но увидел, как на земле растекается алое пятно. Лицо его мгновенно побледнело:

— Моё дитя...

У Цзюньшу тоже впал в панику и рявкнул:

— Позовите лекаря! Скорее!

Зеваки-деревенские поначалу просто глазели на представление: двое мужчин не поделили бабу, да ещё и не простую, а овдовевшую монашку! Спектакль редкий. Но кто ж знал, что весёлое зрелище обернётся кровопролитием?

В толпе кто-то завопил:

— Господин начальник! Господин начальник, тут человека убивают!

У Цзюньшу понял, что дело дрянь, и попытался сбежать в экипаж, но прибывшие оказались слишком проворны. Столичный градоначальник в сопровождении стражи спешно подоспел на шум:

— Да что же это такое?! Опять убийство?!

Едва до него дошли слухи о поджоге за городом, он сразу помчался сюда: на носу Новый год, случись упущение — не миновать взбучки от вышестоящих. А тут ещё, не успел он дойти, кричат об убийстве! Страшась худшего, градоначальник бросил паланкин и бежал всю дорогу, едва переводя дух.

Но, прибыв на место, он увидел лишь женщину, корчащуюся на земле и судорожно держащуюся за живот. Столичный градоначальник поправил чиновничью шапку и придал лицу строгое выражение:

— Кто убит? Где покойник?

Кто-то из любящих посудачить подсказал:

— Да вот эти двое бабу не поделили! Толкались да швырнули её на землю, теперь у неё, похоже, выкидыш!

Лишь тут столичный градоначальник заметил, что подол женщины пропитался кровью. Он махнул стражникам, чтобы те отнесли её к врачу, а сам прищурился и строго крикнул двум мужчинам, стоявшим к нему спиной:

— Вы двое! А ну обернитесь!

Лоб У Цзюньшу покрылся испариной. Он метнул взгляд на У Лю, но тот сам сжался, точно нахохлившийся перепел, едва не уткнувшись носом в собственный пояс.

Видя, что те не спешат поворачиваться, столичный градоначальник нахмурился ещё сильнее и велел стражникам схватить их.

Стражники без лишних церемоний приволокли оболтусов. Те вели себя странно: не

сопротивлялись, лишь отчаянно закрывали лица руками. Градоначальник убедился, что они замешаны в чём-то нечистом, и холодно приказал:

— Уберите руки и откройте лица! Назовите свои имена...

Его речь оборвалась на полуслове, едва стражники силой отвели их руки от лиц.

У Цзюньшу и У Лю встретились с ним взглядом. Выражения лиц у всех троих были неопишными.

Щека столичного градоначальника долго дёргалась, пока он наконец не подобрал подобающую мину. Поклонившись, он тихо спросил:

— И что же вы, господа...

Выражение лица У Цзюньшу сменилось несколькими оттенками, пока он наконец не выдавил:

— Это всего лишь недоразумение...

У Лю поспешно поддакнул:

— Да-да-да, сплошное недоразумение!

Но их слова слышали глазевшие вокруг люди, и кто-то тут же закричал:

— Ваша милость, не верьте им! Они оба позарились на молодую вдову из обители, только что из-за неё петушились! Да кто его знает, от кого вообще у той бабы дитя в животе...

Следом кто-то разболтал всю подноготную о том, как Цзяоин попала в обитель. Чем больше слушал столичный градоначальник, тем сильнее холодело у него внутри: он понял, что такое шило в мешке не утаишь.

Кому в Ецзине не известно, что устои в поместье маркиза Чжунъюна считались безупречными? И пусть не все его потомки хватали звёзды с неба, они не пускались во все тяжкие, подобно прочим кутилам. А лад между жёнами и наложницами маркиза и его многочисленное потомство и вовсе славились по всей столице.

И если весть о том, что дядя с племянником делят одну женщину, просочится из-за его расследования, его чиновничьей карьере придёт конец.

Сердце столичного градоначальника горело огнём, но на лице он напустил на себя строгий вид:

— Отпустите их. И кто поджигатель?

Деревенские, поняв, что он явно заминает дело, потеряли интерес и стали расходиться. Стражники подвели матушку Цянь:

— Вот она.

Матушка Цянь была одета в какое-то рваньё, её патлы торчали вроде куриного гнезда, а под конвоем она лишь глупо хихикала. Столичный градоначальник нахмурился:

— Это она устроила пожар?

Не успел стражник ответить, как прежде смирная матушка Цянь дико взвизгнула и с яростью бросилась на У Лю, пронзительно вопя:

— Верни жизнь моего сына!

У Лю не успел увернуться, и она мёртвой хваткой впилась ему зубами в ухо. Он взвыл, будто резаная свинья.

Стражники бросились разнимать их, но матушка Цянь не разжимала челюстей и откусила У Лю ухо напрочь! Только было разошедшиеся деревенские тут же сбежались обратно. Глядя на корчащегося в пыли и орущего У Лю, кто-то внезапно ахнул:

— Да это ж тот самый хахаль, что путался с Цзяоин!

Другой развязный голос подхватил:

— А я признал его! Это ж шестой господин из поместья маркиза! Я видел его, когда прирабатывал в публичном доме Инчунь!

При упоминании господина из поместья маркиза толпа ахнула и разразилась гвалтом.

Глядя, как люди тычут пальцами, столичный градоначальник понял: конец. Теперь дело точно не замять!

Спешно велел стражникам погрузить потерпевших в экипаж, столичный градоначальник бросил всё остальное и со своей свитой дал дёру.

Когда толпа рассеялась, Ань Чанцин велел кучеру возвращаться. Понаблюдав за столь захватывающим зрелищем, Ань Чанцин пребывал в превосходном расположении духа. Он знал: не пройдёт и пары дней, как эта история облетит весь Ецзин, и с поместья маркиза Чжунъюна, всегда хвалившегося строгими устоями и добродетелью, наконец-то сорвут маску.

В прошлой жизни Ань Чанцин пылал к этой семейке лютой ненавистью, а оттого сейчас испытывал лишь глубокое удовлетворение.

Ань Фу всё ещё покачивал головой от изумления:

— Ну и шустрая же эта Цзяоин — крутила и дядей, и племянником, как хотела! Правда, когда всё выплывет наружу, добром для неё это точно не кончится.

— Каждому злодею найдётся свой укротитель.

Поместье маркиза Чжунъюна попало в скандал, и виной тому была она. Маркиз Чжунъюн её ни за что не пощадит.

Ань Чанцин опустил веки, взгляд его отяжелел и заледенел. В прошлой жизни Ань Сяньюй перенесла нечеловеческие мучения и погибла вместе с неродившимся дитятей; в этой же жизни отплатить за все страдания сестры придётся с лихвой.

Вернувшись в поместье князя, он как раз встретил Ань Сяньюй, искавшую его. В руках она

держала два вышитых кошелька, на лице сияла светлая улыбка. За время, проведённое в поместье князя, она вздохнула спокойно: прежняя забитость ушла, уступив место живости и жизнерадостности.

— Это мы с матушкой сшили. Тебе и князю — по одному!

Глядя на её румяные щёчки, Ань Чанцин не удержался и ласково погладил её по голове:

— Я же просил передать матушке, чтобы она больше отдыхала. Зачем же так утомляться?

<http://bllate.org/book/18381/1767638>